TURK ELI

International Scientific Journal

Volume 1 | Special Issue Part 2 | 2026

Manas, Kyrgyz Republic

www.turkeli.science

TURK ELI
INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

The journal is officially registered as a mass media outlet by the Justice Department of Manas Region under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic in accordance with Registration Certificate No. 10339 dated March 11, 2024. The journal is registered under the title “TURK ELI” International Scientific Journal and is authorized for publication in Kyrgyz, Turkish, Uzbek, Kazakh and English languages.

Honorary President
Sarvar Ispahi

Editor-in-Chief
Jenishbek Duysheev

Deputy Editor in-Chief
Rahmonali Hasanov

Editorial Board:

Ablat Khodjaev (Prof. Dr.)
Shakimashrip Ibraev (Prof. Dr.)
Shohistahon Uljaeva (Prof. Dr.)
Kubanychbek Kalchakeev (Prof. Dr.)
Abdimajid Madraimov (Prof. Dr.)
Shukhrat Sattorov (Prof. Dr.)
Ibrahim Kush (Dr.)
Faig Elekberli (Dr.)
Erdenebayar Nasanbat (Dr.)
Gulnara Anarbaeva (Dr.)
Nurgul Aldabek (Dr.)
Nurjamal Myrzabaeva (Dr.)
Takhirjan Kazakov (Dr.)
Elmira Hazratkulova (Dr.)
Azamat Kaliev (Dr.)
Abdulvakhidkhon Nuriddinov (Dr.)

About this Special Issue

This Special Issue presents selected papers from the International Scientific Conference
Ijtimoiy fanlar va jamiyat taraqqiyoti:
barqaror rivojlanishning strategik yo‘nalishlari

Technical Editor
Laziz Baxtiyorov

Publisher: turkeli.science
E-mail: editor@turkeli.science

TOSHKENT IQTISODIYOT VA TEXNOLOGIYALARI UNIVERSITETI
TITU
TOSHKENT – 2022
TOSHKENT IQTISODIYOT VA TEXNOLOGIYALAR UNIVERSITETI
IJTIMOIY FANLAR FAKULTETI
IJTIMOIY FANLAR VA JAMIYAT TARAQQIYOTI:
BARQAROR RIVOJLANISHNING
STRATEGIK YO‘NALISHLARI
GLOBAL MIQYOS
STRATEGIYA VA TARAQQIYOT
ILM-FAN VA INNOVATSIYA
JAMIYAT VA INSON KAPITALI
XALQARO ILMIY-AMALIY KONFERENSIYA
ILM-FAN ORQALI BARQAROR KELAJAK SARI
2026-yil 15-may

Contents

F. T. Baitova	Sociocultural Transformation of Kyrgyz Society: Historical Experience and Contemporary Trends	6
Sh. H. Sattarov	Service Sector Diversification in the Context of Uzbekistan's Digital Economic Transformation	11
R. Hasanov	Ahsikent: A Great Center of Civilization	16
S. Dj. Saidova	From Historical Heritage to Modernity: The Evolution of National Clothing	21
B. R. Karimov	The Contribution of the Timurid Renaissance to the Development of World Civilization	24
Y. Akhmedov	The Security Service in Amir Temur's State: The Foundation of Strategic Stability and Power	27
A. S. Kaliev *N. B. Bazarbaev*	Civic Identity in the Context of Globalization	31
F. Bozorova	The Socioeconomic Essence of Enhancing Public Welfare through Strengthening Household Activity in Uzbekistan	36
G. Y. Şirvanzadə	The History of Pedagogy and the Educational Ideas of Azerbaijani Intellectuals	39
Sh. Yuldoshev	Economic Implications of Government Price Regulation: Benefits, Drawbacks, and Policy Recommendations	41
M. E. Khujamov *S. M. Madumarov*	The Role of Amir Temur in the Education and Upbringing of Youth	44
O. O. Rahmatov	The Role of Social Conflicts in the Formation of Political Risks in Modern Society	46
I. X. Saidova	The Contribution of Women to Supporting Society in the Context of Global Conflict	49
I. B. Kamilova	Development of Communicative Competence in Fifth-Grade Students in Uzbek-Medium Education	52
Sh. U. Amirova	Cognitive and Linguocultural Aspects of Studying Mental Structures in Typologically Different Languages: A Case Study of Russian and Uzbek Proverbs	54
R. R. Rafikova	Methods of Integrated Lessons in Teaching Russian Grammar in Primary and Secondary Schools	59
M. Akhmedova	Methodology for Improving the Study of Ethnopedagogical Elements in the National Education System	61
A. S. Kaliev	Political Analysis of the Expansion Russian Empire on the Formation of the Civil Identity in Kyrgyz People	66
K. Yuldoshev	Sahibqiran Amir Temur in Karmana	72
V. A. Bekmurodova	Developing Oral Communication Skills among Uzbek School Students through the Comparative Study of Russian and Uzbek Speech Etiquette	74
F. B. Ismailova	The Role of Social Sciences in Societal Development: The Integration of Human Capital, Economic Reforms, and Digital Transformation	78
A. Kenjaeva	Effective Audio Formats for Developing Foreign Learners' Oral Communication Skills	81
Ch. Eshboboeva	Social Sciences and Societal Development: Strategic Directions for Sustainable Development	83
S. Burxonova	Methodological Approaches to the Study of Ethical Values in Pedagogy	86
S. Aliyev	The Role of Well-Being Psychology in Psychotherapy	88

Sociocultural Transformation of Kyrgyz Society: Historical Experience and Contemporary Trends

Baitova Farida Turganbaevna (PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor)[1]
baitova_farida@mail.ru | ORCID: 0000-0002-3456-9399
[1.] Kyrgyz State Academy of Physical Culture and Sports
named after B.T. Turusbekov
Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract.
The article examines the process of sociocultural transformation of Kyrgyz society from a broad historical perspective – from nomadic civilization to post-Soviet modernization. The aim of the study is to identify the key factors, mechanisms, and consequences of sociocultural changes at different historical stages. The research hypothesis suggests that the transformation of Kyrgyz society is non-linear and is shaped by the interaction of endogenous factors (traditional institutions, value orientations) and exogenous factors (colonial influence, Soviet modernization, globalization). The methodology combines historical-comparative, structural-functional, and sociocultural approaches. The empirical base includes archival materials, data from sociological surveys (2010–2023), and works by domestic and international scholars. The findings show that traditional social institutions - tribalism, the institution of aksakals, and kinship-based networks - do not disappear but rather adapt to new conditions, forming hybrid models of social organization. The scientific contribution of the article lies in the systematization of conceptual approaches to the analysis of Kyrgyz identity in the context of globalization. The conclusions emphasize the need to consider cultural specificity in the design of public policy. Future research directions include the study of the role of digital technologies in the transformation of traditional values, as well as comparative analysis with other Central Asian societies.
Keywords: sociocultural transformation, Kyrgyz society, identity, tribalism, Soviet modernization, globalization, traditional institutions, post-Soviet transition

Социокультурная трансформация кыргызского общества: исторический опыт и современные тенденции

Баитова Фарида Турганбаевна (кандидат педагогических наук, доцент)[1]
baitova_farida@mail.ru | ORCID: 0000-0002-3456-9399
[1.] Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта
имени Б.Т. Турусбекова
Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация.
В статье исследуется процесс социокультурной трансформации кыргызского общества в широкой исторической перспективе – от кочевой цивилизации до постсоветской модернизации. Цель исследования состоит в выявлении ключевых факторов, механизмов и последствий социокультурных изменений на различных исторических этапах. Гипотеза исследования предполагает, что трансформация кыргызского общества носит нелинейный характер и определяется взаимодействием эндогенных (традиционные институты, ценностные ориентации) и экзогенных (колониальное влияние, советская модернизация, глобализация) факторов. В качестве методологии применяется сочетание историко-сравнительного, структурно-функционального и социокультурного анализа. Источниковую базу составляют архивные материалы, данные социологических опросов (2010–2023 гг.), труды отечественных и зарубежных исследователей. Результаты работы показывают, что традиционные социальные институты – трайбализм, институт аксакалов, родоплеменные сети – не исчезают, а адаптируются к новым условиям, формируя гибридные формы социальной организации. Научный вклад статьи заключается в систематизации концептуальных подходов к анализу кыргызской идентичности в условиях глобализации. Выводы указывают на необходимость учёта культурной специфики при проектировании государственной политики. Направления будущих исследований включают изучение роли цифровых технологий в трансформации традиционных ценностей, а также сравнительный анализ с опытом других центральноазиатских обществ.
Ключевые слова: социокультурная трансформация, кыргызское общество, идентичность, трайбализм, советская модернизация, глобализация, традиционные институты, постсоветский транзит

Введение. Социокультурные изменения общества выступают одним из ключевых процессов, формирующих облик современных государств. Для Кыргызстана, обладающего богатым наследием кочевой цивилизации и сложным опытом советской модернизации, эта тема приобретает особую значимость. На протяжении XIX–XXI вв. общество столкнулось с кардинальными преобразованиями, затронувшими все сферы жизнедеятельности – от формы ведения хозяйства до ценностных установок и систем идентификации. Интерес к этой проблематике заметно усилился после распада СССР в 1991 году, когда перед молодой независимой страной встал вопрос о сущности национальной идентичности, судьбе традиционных институтов и путях развития общества[3. с.98]. При этом ученые отмечают не простое возвращение к прошлому, а сложную интеграцию различных культурных слоёв, порождающую уникальную гибридную социальность[5. с.120].

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, Кыргызстан – единственная страна Центральной Азии с парламентской системой правления, что делает анализ его социокультурной динамики важным для понимания взаимосвязи культурных изменений и политических институтов. Во-вторых, в стране происходят интенсивные демографические трансформации – рост урбанизации, миграция рабочей силы, демографический взрыв, что существенно меняет структуру общества. В-третьих, глобализация усиливает противоречие между традиционными устоями и современными вызовами.

Цель статьи – выявить ключевые этапы и механизмы социокультурной трансформации кыргызского общества, определить устойчивые тенденции и противоречия современного этапа. Исходя из гипотезы, трансформация носит сложный, многоуровневый характер и формируется за счёт взаимодействия исторически сложившихся институтов с внешними модернизационными импульсами.

Методология исследования. В качестве фундаментальной основы исследования выступает концепция «множественных современностей» Ш. Эйзенштадта[10. с.1–29], утверждающая, что модернизация не влечёт за собой унификацию обществ по западному образцу, а формирует разнообразие типов современности, обусловленных локальными культурными традициями. В контексте постсоветского пространства эта идея развивается В. Мирзаевым[16. с.44], демонстрирующим, как центральноазиатские общества трансформируют глобальные практики, адаптируя их под культурные особенности региона.

Ключевую роль в методологии играет концепция «изобретения традиции» Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера[22. с.232], раскрывающая механизмы актуализации и конструктивного формирования исторических символов в интересах современной политики и идентичности[13. с.5–22]. В кыргызском контексте она применяется для анализа влияния эпоса «Манас», курултаев и иных традиционных форм на политическую и культурную сферу после 1991 года[9. с.56].

Методологическая база исследования включает комплексный подход. Историко-сравнительный метод используется для изучения изменений на протяжении длительных временных отрезков. Структурно-функциональный анализ помогает определить роль отдельных социальных институтов в процессах трансформации. Социокультурный подход ориентирован на исследование ценностей, норм и идентичностей как ключевых факторов социальных изменений. Эмпирическую базу составляют данные «Кыргызского интегрированного домохозяйственного обследования» (KIHS, 2020), результаты Всемирного исследования ценностей (волны 2011 и 2022 гг.), а также публикации ведущих социологов и историков Кыргызстана.

Традиционная культура кыргызского народа сложилась в условиях кочевого и полукочевого скотоводства на территории Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Основной социальной структурой выступал «уруу» (род), объединявший людей по признаку общего происхождения и определявший организацию хозяйственной, военной и правовой сфер. Система родовых связей, несмотря на часто встречающуюся трактовку как «примитивная», на деле представляла собой эффективный инструмент приспособления к природным условиям и поддержания коллективной безопасности[1. с.122].

Правовая система кочевников основывалась на устоявшемся обычае – «адате» и «шариате», реализуемом через институт бийства. Бии (судьи-посредники) выступали одновременно и юридическими арбитрами, и хранителями коллективной памяти, носителями эпической традиции. Как отмечал российский этнограф В. В. Радлов[20. с.43], институт биев обеспечивал поразительную устойчивость социального порядка при полном отсутствии централизованного государства. Культурным памятником эпохи стал эпос «Манас» – произведение, отражающее мировоззрение, ценностные установки и историческую память кыргызского народа[23. с.19].

В кочевом обществе гендерные роли отличались относительно высоким положением женщин по сравнению с рядом соседних оседлых культур: женщины участвовали в советах рода, управляли хозяйством, могли выступать посредниками в спорах[7. с.78]. Однако брачные обычаи – калым и институт левирата – строго закрепляли патрилинейную структуру семьи.

Присоединение кыргызских земель к Российской империи в 1860–1876 годах стало началом масштабного противостояния традиционной культуры внешним модернизационным процессам. Колониальная власть сознательно разрушала племенные политические структуры, заменяя избираемых манапов назначаемыми уездными администраторами[17. с.77]. Переселение русских и украинских крестьян на наиболее плодородные пастбища резко обострило земельный кризис и спровоцировало восстание 1916 года – одно из крупнейших антиколониальных выступлений в истории Центральной Азии, в результате которого, по разным оценкам, погибло от 100 до 270 тысяч кыргызов[5. с.178].

В то же время колониальный период принёс первые признаки современной системы образования, письменности, основанной на арабском шрифте, а также зарождение рыночных отношений.

Советский период ознаменовался наиболее глубокими и быстрыми социокультурными трансформациями. Указом 1924 года была создана Кара-Киргизская автономная область, а в 1936 году – Киргизская ССР. Программа большевиков «советизации» охватывала несколько направлений: искоренение безграмотности, коллективизацию, атеистическую пропаганду и ускоренную урбанизацию.

Коллективизация 1929–1934 годов привела к краху устоявшегося кочевого скотоводства. Принудительное оседание ликвидировало многовековые традиции пастушества; согласно данным советской статистики, численность скота в Киргизии упала с 6,2 млн до 1,6 млн голов[3.с.34]. Конституция провозгласила: Киргизская Советская Социалистическая Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, в целях взаимопомощи по линии экономической и политической, равно как и по линии обороны, она добровольно объединяется с другими равноправными советскими социалистическими республиками. Исходя из этого, Киргизская ССР делегирует СССР в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления права, определенные статьей 14 Конституции СССР. Вне пределов данной статьи Киргизская ССР осуществляет государственную власть самостоятельно, сохраняя полностью свои суверенные права[19. с.330–331].

Культурная политика советского периода представляла собой сочетание унификации и «коренизации». С одной стороны, на кыргызский язык переносилась

вынужденная русификация делопроизводства и высшего образования. С другой – советская идеология активно способствовала формированию кыргызской национальной литературы, музыки и изобразительного искусства в рамках социалистического содержания и национальной формы[14. с.322]. Именно в этот период был зафиксирован письменный вариант эпоса «Манас», что заложило прочную основу для формирования национальной идентичности в постсоветский период.

Особое внимание стоит уделить изменениям в гендерной сфере. Советская власть провозгласила полное равноправие мужчин и женщин: женщины получили доступ к образованию, трудовой деятельности и участию в политике. Однако, по мнению ряда исследователей, эти преобразования носят двойственный характер: формальное равенство шло рука об руку с сохранением патриархальных установок в быту, а борьба с традиционными устоями часто носила насильственный характер[11. с.345].

После обретения независимости в 1991 году Кыргызстан столкнулся с серьёзным институциональным кризисом, сопровождавшимся одновременным возвращением традиционных социальных структур. Ярким проявлением этого явления стало восстановление трайбализма – опоры на родственные связи в политической сфере, деловой деятельности и повседневной жизни. Согласно результатам социологического опроса фонда «Сорос-Кыргызстан» (2012), свыше 67% респондентов в той или иной степени полагались на помощь близких по кровному родству при решении важнейших жизненных вопросов – трудоустройстве, получении жилья, разрешении конфликтов.

Институт аксакалов (судов старейшин) был официально признан законом 2002 года и интегрирован в государственную судебную систему. К 2020 году в стране функционировало более 1000 таких судов, рассматривавших споры в рамках семейного права, земельные споры и мелкие правонарушения (Министерство юстиции КР, 2021). Учёные по-разному оценивают данное явление: одни видят в аксакальских судах полезный элемент «народного правосудия»[4. с. 76], другие – инструмент укрепления патриархальных норм, ограничивающих права женщин и уязвимых групп населения (Медиа-Зона, 2019).

Одновременно усиливалось распространение исламской практики, особенно в Ошской и Джалал-Абадской областях. Количество мечетей выросло с 39 в 1991 году до более чем 2700 к 2022 году. При этом кыргызский ислам отличается особым характером: он тесно сочетается с доисламскими традициями – почитанием духов-предков «арбаков», совершением паломничеств к святым местам «мазарам» и использованием шаманских обрядов через «бакшы». Такой синтез получил в научной литературе название «народный ислам» или «кыргызский ислам»[21. с.195].

Одним из ключевых факторов социокультурных изменений последних лет стала массовая трудовая миграция. Согласно данным Национального статистического комитета Кыргызстана, в 2022 году за границей (в основном в России и Казахстане) трудились около 700–800 тысяч граждан страны – свыше 12% общей численности населения. Объём денежных переводов мигрантов в этом году достиг примерно 2,7 млрд долларов США, что превысило 30% ВВП республики (по оценкам Всемирного банка, 2023)[6].

Миграция кардинально трансформирует семейные устои и гендерные нормы. Продолжительное отсутствие мужчин порождает «транснациональные семьи», где женщины фактически становятся главами домохозяйств, одновременно неся повышенную эмоциональную и психологическую нагрузку. По результатам исследований, в регионах с высокой миграционной активностью наблюдается рост числа разводов, одиноких матерей и детей, оставшихся без попечения[15. с.33]. В то же время мигранты приносят в родные сёла новые формы потребления, бытовые практики и ценности, способствуя ускоренному распространению элементов глобальной культуры даже в отдалённые районы Кыргызстана.

По данным Всемирного исследования ценностей (WVS, 2022), можно выделить основные черты современной кыргызской идентичности. При вопросе «Кем вы себя в первую очередь считаете?» 52% респондентов выбрали «кыргызом/кыргызкой» (национальная идентичность), 28% – «мусульманином/мусульманкой» (религиозная идентичность), 14% – «жителем своего города/села» (локальная идентичность), лишь 6% – «гражданином мира» (космополитическая идентичность). Заметно, что в городах доля национальной идентичности снижается, тогда как религиозная и космополитическая, напротив, усиливаются.

Ключевым аспектом идентичностного кризиса выступает языковая ситуация. Согласно переписи 2009 года, кыргызский язык назвали родным 71,4% жителей страны, а свободно владеющих русским – около 49% (НСК КР, 2009). Закон о государственном языке 2023 года укрепил статус кыргызского в административной сфере и системе образования, однако вызвал тревогу по поводу положения русскоязычных общин и уровня подготовки специалистов из-за нехватки кадров. Эта дилемма иллюстрирует более масштабный конфликт между стремлением к культурному суверенитету и необходимостью интеграции в международные образовательные и научные процессы.

Результаты и обсуждение. Анализ позволяет выделить ряд ключевых положений, отражающих особенности социокультурной трансформации кыргызского общества.

Первое – трансформация происходит не по линейному сценарию, как предполагают теории модернизации, где традиция постепенно уступает место новым формам. В кыргызском контексте наблюдается устойчивая тенденция к гибридизации – смешению культурных кодов. Племенные структуры не исчезают под давлением рыночных отношений, а, напротив, интегрируются в неформальные экономические практики, порождая особую «экономику доверия»[2. с.45]. Аксакальские суды не утрачивают своей роли, а существуют в тесной связи с официальной юриспруденцией, образуя сложную систему правового плюрализма.

Второе – наблюдается явление, именуемое «реактивной традиционализацией», когда в условиях ускоряющихся перемен и неопределённости резко возрастает роль традиционных ценностей. Кризисные периоды – распад СССР, революции 2005 и 2010 годов, экономические потрясения – всегда сопровождались усилением племенной сплочённости, ростом религиозной активности, обращением к идеалам «Манаса». Это согласуется с концепцией «культурного иммунитета» Г. Хофстеде[23. с.78]: в условиях экзистенциальной неопределённости общество возвращает к жизни привычные культурные модели.

Третье – трансформация носит неоднородный, пространственно обусловленный характер. Различия между Бишкеком и селами, между севером и югом настолько выражены, что позволяют говорить о существовании нескольких социокультурных «режимов» в рамках одного государства. Молодёжь столицы ориентируется

на глобальные культурные тренды, часто отстраняясь от племенных идентичностей. В то же время население удалённых аилов сохраняет традиционный уклад, минимально затронутый процессами модернизации.

Четвёртый вывод касается гендерной составляющей трансформации. Согласно данным KIHS (2020), отмечается заметный рост образовательного уровня женщин – доля женщин среди студентов вузов достигла 54%, однако на рынке труда и в политике сохраняется выраженная несбалансированность: доля женщин в парламенте составила 19% в 2023 году. Особую озабоченность вызывает практика «ала качуу» – похищения невест, с которой, по оценкам правозащитных организаций, сталкивается от 16 до 41% замужних женщин страны[18. с.22]. Это явление наглядно демонстрирует разрыв между формальными законодательными нормами и устоявшимися культурными традициями.

Кыргызское общество вступает в третье десятилетие XXI века, сталкиваясь с рядом острых социокультурных вызовов. Первый – цифровая трансформация. По данным Международного союза электросвязи (МСЭ), к 2022 году интернетом пользовались около 68% жителей Кыргызстана. Активное вовлечение в социальные сети (в первую очередь TikTok и Instagram) порождает новые формы культурного взаимодействия, формируя у молодёжи гибридные идентичности, сочетающие глобальные тренды с местными традициями[8. с.112]. В то же время цифровое пространство превращается в поле борьбы за доминирующие культурные нарративы – между сторонниками консервативных взглядов и сторонниками модернизации, между различными трактовками кыргызской идентичности.

Второй вызов – демографический. Высокая рождаемость (коэффициент фертильности – 3,0 в 2021 году, данные ВОЗ) в сочетании с масштабной миграцией создаёт особую возрастную структуру: молодёжь моложе 30 лет составляет около 54% населения. Такое «демографическое давление» одновременно выступает и возможностью для развития (молодая рабочая сила), и риском для социальной стабильности (рост безработицы, усиление радикальных настроений).

Третий вызов – образовательный. Снижение уровня общего и высшего образования в условиях перехода на государственный язык обучения при дефиците учебной литературы и кадровых ресурсов порождает угрозу удержания в «образовательной ловушке»: будущие поколения получают дипломы, не отвечающие реальным требованиям глобального рынка труда.

Перспективные направления исследований включают: (1) долгосрочные социологические изучения изменений ценностей в контексте поколений; (2) сопоставление социокультурных путей Кыргызстана с траекториями других стран Центральной Азии – Казахстана, Таджикистана, Узбекистана; (3) анализ вклада диаспор в развитие транснациональных культурных форм; (4) изучение воздействия цифровых медиа на изменение традиционных гендерных ролей и семейных структур.

Заключение. Социокультурные изменения в кыргызском обществе носят многоуровневый, непрямолинейный и противоречивый характер, при этом традиции и современность не столько конкурируют, сколько проникают друг в друга, порождая уникальные гибридные формы. Российская колонизация, советская модернизация и постсоветский переходный период выступали поочерёдными внешними шоками, каждый из которых спускал механизм адаптации социальных институтов и ценностных установок.

Основной вывод исследования: традиционные структуры – трайбализм, аксакальское правосудие, народный ислам, эпическая культура обладают высокой устойчивостью и способностью к трансформации. Вместо того чтобы исчезать под давлением новшеств, они трансформируются, встраиваясь в новые социальные условия, приобретая гибридные формы. Это заставляет пересмотреть традиционное понимание модернизации в отношении незападных обществ и подтверждает актуальность подхода «множественных современностей» для анализа кыргызской действительности.

Практическая значимость результатов заключается в необходимости учёта культурных особенностей при формировании государственной политики в области правосудия, образования, гендерного равенства и местного самоуправления. Игнорирование традиционных институтов ведёт к дистанцированию государства от общества, а их неконтролируемое усиление – к сохранению практик, ограничивающих права граждан. Поиск баланса между уважением к культурному наследию и гарантией универсальных прав человека остаётся ключевой этической и нормативной задачей Кыргызстана в XXI веке.

References

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л.: Наука, 1971. – 403 с.
2. Айтматова Г.Т. Неформальные экономические практики и трайбализм в постсоветском Кыргызстане // Центральноазиатский журнал социальных исследований. – 2016. – № 4. – С. 45–61.
3. Бейшеналиев Д. Коллективизация в Кыргызстане: трагедия народа. – Бишкек: Мектеп, 1993. – 228 с.
4. Беккер С. Россия и протектораты Центральной Азии: Бухара и Хива, 1865–1924. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. – 326 с.
5. Брауэр Дж. Мусульмане и евреи в колониальной России. Восстание 1916 года. – М.: РОССПЭН, 2003. – 288 с.
6. Всемирный банк. Кыргызская Республика: обзор экономики. – Вашингтон: The World Bank, 2023. – URL: https://www.worldbank.org/en/country/kyrgyzrepublic (дата обращения: 10.03.2024).
7. Джаксыбеков А. Гендерные роли в традиционном кыргызском обществе // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2009. – № 2. – С. 78–89.
8. Джумабеков Э. Цифровые медиа и конструирование молодёжной идентичности в Кыргызстане // Социология и право. – 2022. – № 3. – С. 112–125.
9. Джунушалиев Д. «Манас» как национальный символ: история конструирования // Кыргызстан в мировом историческом процессе. – Бишкек: Илим, 2014. – С. 56–80.
10. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. – 2000. – Vol. 129. – No. 1. – P. 1–29.
11. Ketchley N. Women, Islam, and Modernity in the Former Soviet Union // Slavic Review. – 2006. – Vol. 65. – No. 2. – P. 345–367.
12. Khan O. Beyond the Silk Road: The Oral Epic of Manas and Kyrgyz Identity // Inner Asia. – 2004. – Vol. 6. – No. 1. – P. 19–38.
13. Laruelle M. Kyrgyzstan's «Manas»: A New National Myth for a New State // The Journal of Central Asian Studies. – 2012. – Vol. 21. – P. 5–22.
14. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М.: РОССПЭН, 2011. – 662 с.
15. Мукасов М. Трудовая миграция и трансформация семьи в Кыргызстане // Демография и социология. – 2018. – № 1. – С. 33–48.
16. Mirzaev V. Multiple Modernities in Central Asia: Beyond Soviet

Legacy. – London: Routledge, 2015. – 234 p.
17. Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 368 p.
18. ООН-Женщины. Исследование о масштабах практики «ала качуу» в Кыргызской Республике. – Бишкек: UN Women, 2021. – 68 с.
19. Плоских В. М. История кыргызов и Кыргызстана. – Б., 2015. –566 с.
20. Radlov V.V. Aus Sibirien. – Leipzig: T.O. Weigel, 1884. – Vol. 1. – 600 p.
21. Rees M. Islamic Revival and Nationalism in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. – 2007. – Vol. 26. – No. 2. – P. 195–215.
22. Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) The Invention of Tradition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 320 p.
23. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed. – Thousand Oaks: Sage, 2001. – 616 p.